

СЕРГЕЙ МИРОНОВ

Сергей Михайлович Миронов — Председатель партии “Справедливая Россия”. Окончил в 1980 году Ленинградский горный институт имени Г. В. Плеханова. Ещё в студенческие годы он начал работать в НПО “Геофизика”, был с геологическими экспедициями в Карелии, на Урале, в Сибири. С 1986 по 1991 годы работал в Монголии старшим геофизиком аэропартии. За плечами Сергея Миронова 18 полевых сезонов. Собранную им уникальную коллекцию минералов Сергей Миронов передал в дар Государственному геологическому музею минералов им. В. И. Вернадского.

ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА ГЕОЛОГА

10 июля 1975 года. Алдан–Томмот

Сегодня нашёл первый образец. Гематит. Руда, не железо.

Должны были поехать в Томмот, но выехали довольно поздно. В гараже шофёры рассказывали: по дороге на Алдан из Томмота этой ночью шёл “уазик” (грузовичок). Шофёр взял попутчиков. Сам был пьяный и, наверное, заснул, выехал на левую половину дороги и на полном ходу встретился с “ЗИКом”.

Трое – сразу насмерть, одного – в больницу. Когда ехали, видели этот “уазик” – груда железа. По пути шофёры рассказали другую историю. На “половинке” (нечто вроде “дикий” стоянки для машин на середине дороги, между Б. Невером и Алданом) у одного шофёра ночью сняли фары с машины (воруют здесь друг у друга запчасти повсеместно). Тот, кто снял, далеко уйти не успел, его поймали тут же в лесу. Он, сидя на корточках, рассматривал фары. С поличным, как говорится. Его даже бить не стали. Отрубили два пальца на руках и отпустили... Сибирь.

На место основного лагеря, увы, не успели – добрались только до середины пути. Двое с Мишей поехали дальше, а пятеро остались в промежуточном лагере. Хорошо! Весь день пробежал под солнышком. Спина красная. Мошек было не очень много, а вот слепней и мух – не отбиться. Сейчас свечерело, прохладно (но не холодно). Тихо. Изредка прогрехочет грузовик (рядом дорога), и опять тихо. На ужин решили сварить макароны. Котелок поставили на чугунную чушку, а её саму закрепили на камни. Ох, уж эти камни! В самый интересный момент, когда загрузили макароны и они успели чуть-чуть свариться, камень треснул, чушка упала, котелок опрокинулся, макароны...

Да-да, они оказались на земле. Но что ж делать, приняли решение: собрать, попробовать вымыть и продолжить.

И вот представляю себе фильм, которого не будет, но который мог бы быть. В кадре – широкое раздолье сибирской тайги. Якутия. Вековые сосны, ели, горные быстрые речки. В кадре – одна из речек. Издалека кинокамера подводит нас к трём согбленным фигурам у реки. В руках у них посуда, похожая на сито. У зрителя ассоциация – золотоискатели... Крупным планом: человеческие руки, полощущие макаронину (одну!) в реке. Вот так, по одной, мы и добывали себе на ужин макароны.

Мораль: не поваляешь – не поешь!

ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА (продолжение)

Что было за эти три дня? Первые два дня мы с Андреем плутали. Где мы только не были! Когда в лагере разбирались по карте, оказалось, что мы давали по 12–20 км в один конец. Это по прямой, не учитывая гористости. Приходили в девятом-десятом часу вечера, кое-как ели и – спать. С непривычки очень трудно. Наконец, разобрались. В один день принесли 9 проб, на следующий – 13. Знал ли я когда-нибудь, что буду с вождением выковыривать из-под камней кусочки глины, песка и очень радоваться, когда их много?

Ноги устают. Вечером, возвращаясь в лагерь, – а идёшь на пределе – с ужасом думаешь, что с утра опять то же самое, только что ещё подальше маршрут. Но утром просыпаешься, и эта мысль уже не кажется такой страшной. Всё естественно. Это наша работа, наш хлеб, если хотите.

Господа “романтики”! Внимание! Черпать грязь из студёного ручья на комарах не хотите ли? Топать в день по 35 км с тяжёлым мокрым рюкзаком, вода из которого стекает по спине, не угодно? И мне всё это не приносит много радости. Но просто есть простенькое словцо “надо”, и есть люди, которые знают цену этому слову. И всю свою жизнь, неважно, где, и неважно, в какой роли, без шумихи и трескотни делают дело.

ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА (продолжение)

Пишу эти строки, находясь примерно в 400 км от лагеря, на границе Якутской АССР и Амурской области, в с. Нагорное. Прошедшие сутки были весьма насыщенными.

После того как 29-го я сделал красной пастой записи в дневник, часа через два на дороге через перевал показался Шура. Один. Бригадиром у него Витёк. Они работают в паре. Накануне строжайше всех предупредили, чтобы работали только в паре, в одиночку не ходили. Пока Шура спускался, все строили предположения (в основном, в шутливой форме), где он оставил Витька.

Спустился Шура:

– Который час?

– Половина восьмого, – отвечаем.

– Витька не было? – он.

– Нет, – мы.

– Если сейчас, минут через 30 не подойдёт, надо идти искать.

На него сыплется куча вопросов. Из ответов вырисовывается следующая картина.

Витёк решил, вопреки указаниям, работать поодиночке. Наметил себе и Шуре участки, разошлись. Договорились встретиться в определённом месте в 16:00. У Витька были часы, у Шуры – нет. Шура закончил раньше, был в условленном месте в 14:30. Сидел, ждал Витька. Развёл костёр, да и уснул. Проснулся – уже вечер. Витька нет. Оставил ему записку и пошёл в лагерь, в общем-то, в надежде на то, что Витёк уже там.

Через минут 40, в 20:30, наш маленький спасательный отряд двинулся по дороге через перевал. Нас было трое. Захватили всё необходимое. Я нёс ружьё и спички, Алексей – фонарь, Шура – карту.

Перевалили за перевал – уже почти стемнело. Покричали. Никого. Спустились в долину. Там старая, заросшая лесная дорога, в конце которой Шура оставял записку. Хоть и втроем, а нервы щекоchet: днём все эти дороги в медвежьих следах.

В 22:30 сзади нас в горах раздался слабый крик. Мы закричали, я дуплетом выстрелил. Вернулись немного назад...

На дороге стоит Витёк. От радости, что с ним ничего не случилось, не стали даже ругаться. Он немного заплутал. Пока разобрался, пока выбрался, одним словом, всё хорошо, что хорошо кончается.

“ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ” (рассказ-быль)

Родился я в городе Пушкине — это пригород Ленинграда. Жили мы на самой окраине бывшего Царского Села, на улице Красной Артиллерии, дом 30. Дом наш был старинный, трёхэтажный, кирпичный, покрашенный жёлтой штукатуркой, и мы называли свой дом “Дом с башнями”. Наш дом являл собой фрагмент своеобразной крепости с башнями, с крепостной стеной. Где-то в промежутках между башнями были трёхэтажные дома. Крепость занимала целый квартал, внутри которого находилось военное училище. Была легенда (а может быть, и быль), что эти дома-крепость были подарком королевы Англии (короля?) Николаю II перед Первой мировой войной. По крайней мере, на одном из флюгеров-флажков над башней были выбиты цифры: “1914 г.”. Наша улица, как я уже сказал, была крайняя. Мимо нашего дома всегда шли похоронные процессии, потому что совсем недалеко, в километре от дома, было старинное Казанское кладбище. Я помню время, когда ещё в доме не было газа и у всех были керосинки или керогазы, а в ванной стоял титан — водогрейная колонка, которую нужно было нагревать дровами. Поэтому под окнами первого этажа у подъездов лежали огромные поленицы дров. Улица представляла из себя булыжную мостовую, по которой проезжали машины 3-4 раза в день, а в основном тахтали конные телеги.

История, которую хочу рассказать, произошла, наверное, в 1964 году. Это было ещё при Хрущёве, и я помню, какие были перебои с хлебом, когда белые пшеничные батоны совсем исчезли, продавались только кирпичики чёрного, какого-то липкого хлеба, и те давали по одной буханке в руки. Какие это был руки — неважно (взрослые, детские), но чтобы хлеба хватило, очередь нужно было занимать в пять утра, а магазин открывался в семь. И вот я помню, что мама поднимала нас с сестрой Маринкой, сонных вела к булочной, а булочная была на бульваре Киквидзе (это где-то в километре от нас в сторону центра нашего города). Мы стояли в очереди, потом получали буханку хлеба, бегом неслись домой, успевали попить чай и шли в школу.

Кстати, для нашей “артиллерийской” окраины понятие “поехать в город” означало не в Ленинград, что было бы естественно, потому что Пушкин — это пригород Ленинграда, а это просто в центр Пушкина. Вот такая у нас была окраина.

Через дорогу от дома была детская площадка, причём я помню, что сначала это были какие-то заросшие бурьяном бугры. А бугры — это руины трёхэтажного дома, который был разбомблен фашистами во время Великой Отечественной войны. Потом все эти бурьянные неровности разровняли бульдозером и сделали замечательную детскую площадку с качелями, каруселями, футбольным полем, павильонами и прочим. За детской площадкой было несколько частных домиков, а за ними начиналось поле, за полем виднелось справа кладбище, а прямо, километрах в двух, был глубокий овраг, а за оврагом в четырёх километрах протекала река Поповка, где я в своё время впервые увидел окаменелые ракушки — это были моллюски-трилобиты. Это было ещё до школы.

И так начиналась моя любовь к камням, геологии.

И вот цивилизация пришла на нашу тихую улицу Красной Артиллерии — в наш город пришёл газ. Пришёл он откуда-то из полей. И прямо посередине улицы сняли всю булыжную мостовую, вырыли огромную траншею глубиной метров пять, очень широкую. Копать начали ещё летом. К сентябрю это была уже действительно мощная траншея, внизу скапливалась вода, а ещё экскаватор вскрыл огромный пласт (примерно метр шириной на глубине где-то метров трёх) кембрийской глины. То, что это кембрийская глина, я узнал много лет спустя в Горном институте. Дело в том, что под

Ленинградом на определённой глубине находится эта зеленовато-голубая кембрийская глина. Не знаю её качество с точки зрения гончарного искусства или лепки, хотя лепили мы из этой глины получше всякого пластилина во всё, что угодно. Но цвет у неё — уникальный.

Как я уже сказал, это было году в 64-м, где-то, наверное, в начале сентября, перешёл я тогда в пятый класс. И мы, мальчишки, что называется, пацаны с нашего двора, конечно, шастали, где только могли, и такая замечательная развлекаловка, как котлован или траншея, не могла не стать местом нашего паломничества. Мы лазили по дну, что-то там искали. Обнаружив синюю глину, мы стали брать её для лепки. Когда стали разминать глину, то почувствовали, что там какие-то твёрдые как бы камушки. Мы промыли их в ближайшей луже, и тут на солнце ярко заблестели крупички жёлтого металла.

То, что это металл, и то, что он жёлтый, мы прекрасно видели. Более того, эти крупички достигали иногда сантиметра в поперечнике, такого кристаллического вида и очень тяжёленькие. Естественно, что это могло быть? В земле, жёлтого цвета, блестит, не ржавеет, тяжёленькое? Конечно же, золото! Компашка наша, которая одновременно была тимуровским отрядом (об этом я ещё напишу отдельно), что называется, приужахнулась: “Ничего себе! Прямо у нас под ногами — огромное количество золота!” — потому что только успевай — эту глину добывай, затем руками мнёшь, нащупываешь острые кусочки, вымываешь их. Эти кусочки отдельно таскали под колонку, там под струёй воды ещё раз промывали, чтобы всю глину смыть. Все эти манипуляции мы старались делать так, чтобы взрослые не видели, потому что... Ещё бы! Узнают, что золото, — всё отнимут! А были мы, на самом деле, в то время абсолютно бескорыстными. Мы не собирались с этим золотом ничего делать, мы только уже строили планы, как будем всё это сдавать государству, но очень нам не хотелось, чтобы о нашем золоте узнали взрослые и всю славу первооткрывателей огромного золотого месторождения присвоили бы себе. Более того, днём рабочие работали, а когда они уходили, мы спускались в карьер, с ужасом думая: как же это рабочие до сих пор не поняли, что ходят по золоту? До позднего вечера с фонариком продолжали намывать это золото. И вот буквально за, наверное, неделю мы набрали где-то четверть мешка из-под картошки. По прикидкам, весило это золото килограммов 15–20.

Мы решили, что для того, чтобы убедить правительство (а на меньшее мы и не рассчитывали) в том, что мы действительно нашли золото, этого количества вполне достаточно. Теперь оставалось выяснить, где это самое правительство и куда нужно это золото сдавать. И тут я тонко, как мне казалось, “подъехал” к своей сестре с такими расспросами: “А что, Маринка, если, допустим, кто-то золото найдёт, куда он должен с ним идти?” Маринка ответила: “Как куда? Наверное, в Сберкасса. Кстати, если клад кто найдёт, то четверть от того, что это стоит, дают тому, кто нашёл, а три четверти — государству”.

Я тут же выбежал на улицу рассказать эту потрясающую новость своим друзьям. Начали прикидывать: что это за четверть будет? Но потом, причём, как помню, единогласно решили: не нужна нам никакая четверть, главное, чтобы Родина оценила подвиг юных золотодобытчиков, которые прямо на краю Пушкина нашли настоящее золото. Я понял, что самое главное у Маринки не выспросил, вернулся обратно. Спрашиваю: “Слушай, а если не клад, а просто золото в земле?” Она не поняла:

— Что значит просто “золото в земле”? Монеты, что ли, золотые?

— Да нет, ну, вот, как руда, золото.

— А-а, как руда... Ты знаешь, в Ленинграде есть Горный институт, там учат на геологов, наверное, нужно туда отвезти, они скажут, что с этим делать.

— Ага, — говорю, — а где этот Горный институт?

Маринка, не чувствуя никакого подвоха, ответила: “Да ты знаешь, это нужно на электричку сесть, доехать до Витебского вокзала, а там сесть на “одиннадцатый” трамвай и доехать до Васильевского острова, я знаю, он туда ходит и останавливается прямо напротив входа в институт”.

Дело сделано, адрес известен, оставалось назначить день “икс”. Долго не откладывали, решили, что день “икс” будет на следующий же день,

а день был будний, и мы должны были идти в школу. Но какая школа, когда у нас двадцать килограммов чистого золота и государство ничего не знает об этом? Для такого святого дела мы решили, что не грех прогулять.

И вот утром, чинно выйдя из дома якобы в школу, забежали за сараи, побросали за поленницу дров свои портфели, взвалили мешок, пошли на автобусную остановку и поехали на Пушкинский вокзал. Уж не помню, купали мы билет на электричку или нет, думаю, что нет, наверное, не было у нас таких “больших” денег, и вообще глупо будет обвинять нас, что мы “зайцами” едем, когда мы государству золото везём.

30 минут езды на электричке прошли в оживлённых дискуссиях и мечтах о том, как нас наградят и как всё это будет выглядеть. Сейчас уже все детали этих заманчивых мечт не вспоминаются, но вырисовывается примерно такая картина: после того, как мы сдадим золото, нас должен был (почему-то?) министр (какой министр, непонятно) посадить к себе в машину “Чайка” и вместе с нами поехать в нашу родную 410-ю школу города Пушкина. Подъехав к школе, не выходя из машины, министр должен был опустить стекло и грозно сказать бездельникам-школьникам, которые болтались бы обязательно в этот момент во дворе школы: “А кто тут у вас директор? Ну-ка, быстренько ко мне его!” Из школы должна была выбежать перепуганная директриса. Строго глядя на неё, министр должен был сказать: “Эти мальчишки больше у вас учиться не будут, они нашли золото, поэтому забираю их учиться в институт. До свидания!” И гордо пыхнув выхлопной трубой, мы на “Чайке” должны были уехать в новую жизнь – в институт. Вот примерно такие замечательные мечты.

Через какое-то время, поднявшись по знаменитой парадной лестнице Горного института, мы уже стояли в холле перед вахтёром. Старый дедок подозрительно нас оглядел и спросил: “Куды собрались?” Мы замаялись: “Да мы тут это...” И так ногой начали постукивать по мешку, который, конечно же, лежал у наших ног. Доперли мы его, честно говоря, с большим трудом. Дедок понимающе заулыбался: “Образцы, что ли?” Мы переглянулись, что такое “образцы” – мы не знали, но, по крайней мере, выдавать военную тайну о том, что у нас золото, мы этому деду абсолютно не собирались.

– Да-да, – сказали мы.

– Ну, так я сейчас позову.

Он кому-то позвонил, и через какое-то время вышла немолодая уже женщина, очень похожая на самую-самую добрую учительницу. Она была в очках. Я не помню, как её зовут, но когда мы познакомились, я на всю жизнь запомнил её фамилию, и это было нетрудно – фамилия у неё была Пушкина. Мы из Пушкина, и она Пушкина. Вот такое счастливое совпадение! Она дружелюбно и ласково сказала: “Ну что, ребята, с чем приехали, что привезли?” – “Вот!” – сказали мы, развязали мешок, открыв его так, чтобы она могла видеть, а хитрый дед не мог. Она заглянула, думаю, что всё поняла, но это была деликатная женщина и настоящий педагог, потому что она сказала: “Давайте пока этот мешок оставим здесь, а я поведу и покажу вам наш музей”. – “А не сопрут?” – хором спросили мы и покосились на деда. “Не сопрут”, – улыбнулась Пушкина, перехватив наш взгляд. Не очень-то доверяя вахтёру, мы завязали мешок, положили его у стола вахтёра и пошли за “нашей” Пушкиной.

Когда она завела нас в музей, мы забыли и про золото, и про то, что мы сегодня прогуливаем школу, потому что перед нами открылся потрясающий мир минералов. Женщина довольно долго водила нас по огромным залам, показала скелет мамонта, муляжи, как мы поняли, золотых самородков (тут мы переглядывались и начинали учащенно дышать), показала модели гранёного хрустала, которые имитировали самые знаменитые алмазы в мире, показала огромное количество прекрасных минералов: и малахит, и лазурит, и родонит. Названия были замечательные, мало чего нам говорящие, но камни – красивые! И вот, наконец, подводит она нас к одному из стеллажей: “Смотрите, знакомо вам это?” И тут мы увидели наше “золото”, только почему-то под ним было написано какое-то странное слово “пирит”. Пушкина говорит: “Да, ребята, это не золото, это пирит, или, по-другому, сернистый колчедан. Вы знаете, многие, даже опытные минералоги очень часто путают золото с пиритом, но то, что вы принесли, нам

очень пригодится для наших опытов”. Мы тут же наперебой стали говорить, что у нас этого добра навалом, мы принесём сколько угодно. Она вдруг спросила:

- А на Поповке бывали?
- Конечно, бывали.
- А ракушки окаменелые видели?
- Конечно, видели.

– Знаете, если найдёте хороший образец трилобита (она тут же подвела нас к стеллажу и показала хорошо знакомые нам штуковины, которые, оказывается, называются трилобитами), то мы их обязательно поместим у нас в музее.

Мы забыли и про мешок с золотом, забыли про всё – были счастливы и довольны, тем более Пушкина сказала: “Предложите своей классной руководительнице, пускай она мне позвонит (она дала нам телефон), и приезжайте-ка со всем классом. Я покажу вам многое из того, что вы ещё не успели посмотреть”. И, нужно сказать, мы действительно спустя какое-то время привезли туда и класс, а потом стали возить самые разные образцы, которые находили на Поповке.

И когда много лет спустя, уже после армии, я поступил на первый курс геофизического факультета Горного института, я гордо подводил своих однокурсников к стеллажу с окаменелостями, где среди прочих лежали два трилобита, под которыми была надпись: “Река Поповка. Ленинградская область”. Там, конечно же, не было написано, что эти трилобиты когда-то принесли десятилетние мальчишки. Но я-то знал, что это “наши” трилобиты, те самые, из нашего далёкого, прекрасного детства.